

2004 № 254

СОДЕРЖАНИЕ

- 183-189 К биологии размножения и питания золотистой щурки *Merops apiaster*. И. В. ПРОКОФЬЕВА
- 189-198 Орнитологические наблюдения на Кипре в августе 2002 года. А. Г. РЕЗАНОВ, А. А. РЕЗАНОВ
- 198-199 Встречи новых для юго-восточного Приладожья птиц. В. А. КОВАЛЁВ, А. П. СМИРНОВ
- 199-200 Гнездование кулика-сороки *Haematopus ostralegus* на реке Свири. В. А. КОВАЛЁВ
- 200-203 Материалы по авифауне национального парка “Русский Север” (Вологодская область). Д. А. ШИТИКОВ, Д. В. ФЕДЧУК, С. Е. ФЕДОТОВА
- 203-204 Бородатая куропатка *Perdix dauurica* в Приморье. В. Д. КУРЕНКОВ
- 204-214 К вопросу об эволюции территориального поведения так называемых “оседлых” видов воробьиных птиц. Г. А. НОСКОВ
- 215 Зимующие птицы северных городов Западной Сибири. С. П. ПАСХАЛЬНЫЙ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 183-189 On breeding biology and food of the European
bee-eater *Merops apiaster*. I.N.PROKOFJEVA
- 189-198 Ornithological observations on Cyprus in August 2002.
A.G.RESZANOV, A.A.REZANOV
- 198-199 New birds for south-eastern Ladoga region.
V.A.KOVALEV, A.P.SMIRNOV
- 199-200 The nesting of the European oystercatcher *Haematopus*
ostralegus on the Svir River. V.A.KOVALEV
- 200-203 Data on avifauna of the National Park "Russian North"
(Vologda Province). D.A.SHITIKOV,
D.V.FEDCHUK, S.E.FEDOTOVA
- 203-204 The Daurian partridge *Perdix dauurica* in Primorie.
V.D.KURENKOV
- 204-214 To the problem of evolution territorial behaviour
of so called sedentary species of birds. G.A.NOSKOV
- 215 Wintering birds of northern towns in Western Siberia.
S.P.PASKHALNY
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

К биологии размножения и питания золотистой щурки *Merops apiaster*

И.В. Прокофьева

Российский государственный педагогический университет,
набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 29 февраля 2004

Золотистая щурка *Merops apiaster* — одна из немногих птиц, которая в зависимости от условий существования приносит или много пользы, уничтожая вредных насекомых, или, наоборот, заметный вред, добывая большое количество пчёл. Поэтому желательно знать, как следует относиться к этим птицам, когда они поселяются в той или иной местности.

Наблюдения за образом жизни золотистых щурок мы проводили в 1953 году в пойме реки Савалы в районе Савальского лесничества Балашовской (ранее Воронежской) области. Здесь получен материал по их гнездованию, а также питанию взрослых птиц и птенцов. Питание первых мы изучали путём анализа погадок, а у вторых отбирали пищу путём наложения шейных лигатур и с помощью устройства “порога” у входа в гнездовую камеру, через который родители передавали птенцам корм, причём нередко роняли его на землю по ту или другую сторону этого сооружения, что позволяло время от времени собирать накопившуюся там пищу (Прокофьева 2004).

Золотистая щурка является хотя и обычной, но в то же время немногочисленной птицей Савальской поймы. Отдельные пары щурок гнездятся в береговых обрывах и по склонам оврагов, но нигде не объединяются в большие колонии. В некоторых местах их норы находятся на расстоянии 10-20 м друг от друга. Независимо от высоты обрыва, норы щурок располагаются примерно в полуметре от его верхнего края. Как показали измерения, проведённые в 4 раскопанных норах, глубина последних составила 105-130 см. Однако, судя по литературным данным, эти значения не очень велики, т.к. в других условиях средняя длина нор бывает равна 140 см, а иногда достигает даже 289 см (Мустафаев, Ханмамедов 1961). Интересно, что наличие “ложных” нор по соседству с настоящими — обычное явление и наблюдалось нами довольно часто.

Начало гнездового периода щурок падает на конец мая. К середине июня законченные кладки обычно имеются у большинства пар.

Неодновременное вылупление, происходящее в первых числах июля, является причиной сильной разновозрастности птенцов. Это наблюдалось во всех известных нам случаях. Кстати, сведения о неодновременности вылупления можно найти и в литературе (Корелов 1948). Число яиц в кладках обычно равняется 6 или 7.

В процессе работы приходилось наблюдать за добывающими пищу щурками, у которых основным местом кормёжки были река и прилегающие к ней участки, обычно недалеко от гнёзд. Надо сказать, что и другие ис-

следователи (Berndt, Berkenhagen 1991) отмечали, что эти птицы охотятся в основном в радиусе не более 400 м от гнёзд. В то же время изредка они улетают от своих гнездовых и на весьма значительные расстояния — до 4, а в отдельных случаях и до 6-7 км.

Основной способ охоты, который применяют золотистые шурки, — это ловля насекомых на лету. В то же время, хотя изредка, они всё же садятся на землю, где тоже находят добычу (Helbig 1982; Балдаев, Попов 2001). Это позволяет им использовать в пищу не только летающих насекомых, но и других беспозвоночных, например, пауков, фаланг и т.п. (Осмоловская, Формозов 1955). Однако поскольку такие случаи очень редки, некоторые исследователи (Новиков 1976) всё-таки высказывали предположение, что золотистые шурки питаются исключительно насекомыми.

Согласно нашим наблюдениям, а также результатам исследований других орнитологов (Прекопов 1941; Осмоловская, Формозов 1955), шурки, гнездясь вблизи водоёмов, добывают довольно много насекомых, связанных с водой, например, стрекоз Odonata.

Говоря о стрекозах отметим, что среди тех, которых добывали шурки, преобладали виды рода коромысло *Aeschna*. Это довольно крупная добыча, как и большинство других насекомых, обнаруженных нами в корме этих птиц. Недаром считают, что шурки предпочитают ловить насекомых, длина тела которых превышает 10 мм (Helbig 1982), причём даже сказано, что с увеличением дальности полётов за кормом они выбирают относительно более крупные жертвы (Krebs, Avery 1985). Что касается других крупных насекомых, которых добывают эти птицы, упомянем ещё майских жуков *Melolontha hippocastani* (Sutterlin 1962; наши данные).

Несмотря на то, что предпочтение отдаётся крупным насекомым, шурки добывают их очень много. Некоторые исследователи находили до 70-90 пчёл в одном желудке (Мередов 1986), иногда даже до 100 (Якубанис, Литвак 1962), а в отдельных случаях и 300 (Esmaili 1974). Нами только в 5 погадках, оставленных шурками в июне и июле у входов в норы, были обнаружены в большом количестве остатки стрекоз, несколько меньше остатков саранчовых семейства Acrididae и пчёл *Apis mellifera*, а также 15 жуелиц-бегунов *Harpalus aeneus*, 4 долгоносика Curculionidae и 1 австрийский клоп *Eurygaster austriaca*. Согласно же существующим данным, в одной погадке могут содержаться остатки от 4 до 41 насекомого (Martinez 1989).

Надо сказать, что судя по сведениям, приведённым в литературе, найденные нами в погадках насекомые составляют основу рациона золотистых шурок, причём к ним ещё иногда добавляются бабочки Lepidoptera и двукрылые Diptera (Осмоловская, Формозов 1955; Ханмамедов, Гасанова 1965; Biber 1971; Herrera, Ramirez 1974; Ursprung 1979; Харченко и др. 1999). Упомянутые исследователи чаще всего находили в рационах взрослых шурок перепончатокрылых Hymenoptera (главным образом шмелей *Bombus*, затем пчёл из семейства Apidae и других перепончатокрылых) и жуков Coleoptera. В нашем же материале, как уже говорилось выше, когда речь шла о погадках, преобладали стрекозы. Интересно, что эти насекомые занимали первое по количеству место и в рационе птенцов (см. таблицу).

Что касается птенцов, то о моменте их вылупления легко было судить по усилению оживления взрослых птиц. Прилётев с кормом к гнезду, шурки

криком оповещали их о своём приближении. Этот крик служил для них сигналом, возбуждавшим их активность, и вынуждал другую шурку, если та в это время находилась в норе, освободить место для вновь прилетевшей. Отметим, что в литературе можно встретить указания на то, что иногда самцы в воздухе передают летающим с гнезда самкам принесённую добычу (Trippmacher 1983).

Некоторых насекомых (чаще всего стрекоз) родители приносили в гнездо ещё полуживыми. Маленьким птенцам пища обычно засовывалась в глотки; подросшие же птенцы сами выхватывали корм у взрослых птиц или родители оставляли его в гнезде. Каждый прилёт шурки означал поимку одного насекомого, только однажды нам удалось вынуть из глотки птенца двух пчёл, принесённых вместе. Если учесть, что шурки ловят в основном крупных насекомых, то можно не удивляться тому, что они приносят в гнездо не пучок объектов питания, как это делает большинство других насекомоядных птиц, а всего лишь один экземпляр корма.

Массовый вылет молодых шурок происходил в первых числах августа. Было выяснено, что способность к полёту приобреталась ими за несколько дней до вылета, но они ещё некоторое время не покидали гнёзд. В большинстве случаев наблюдался одновременный вылет всех птенцов, но иногда один или два младших птенца, не умевшие летать, оставались ещё на несколько дней в гнезде после вылета остальных и продолжали получать от родителей корм.

Основным местом обитания выводков после вылета были кустарники и лужайки с редкой древесной растительностью. Концентрация молодых шурок здесь в начале августа была весьма высокой.

Большая часть материала по питанию птенцов была получена нами в конце июля и в начале августа, но отдельные сведения удалось собрать и во второй половине июня, когда приходилось иметь дело с парами, приступившими к гнездованию очень рано. Работая с птенцами, можно было не опасаться, что они быстро вырастут и покинут свои гнёзда, т.к. период выкармливания потомства в гнезде у шурок занимает почти целый месяц. Мы работали в основном с уже подросшими птенцами, т.е. достигшими возраста 14-20 дней. Находились они в 3 гнёздах. От них мы получили 63 порции корма, а кроме того, удалось собрать некоторое количество материала у “порогов”, сооружённых возле входов в гнездовые камеры. В общей сложности были собраны 123 насекомых (см. таблицу).

Выше уже упоминалось о том, что судя по литературным данным, взрослые шурки кормятся предпочтительно перепончатокрылыми, а затем жуками. Тем не менее оказалось, что в рационах птенцов перепончатокрылые не всегда занимают первое место по количеству экземпляров. В полученном нами материале преобладали стрекозы. По данным других авторов [Dyer, Demeter 1981 (1982)] родители добывают преимущественно стрекоз и шмелей для птенцов старшего возраста. Некоторые исследователи даже специально отмечали, что в то время как в пище взрослых шурок преобладают жуки и перепончатокрылые, в пище молодых — стрекозы (Biber 1971). В отдельных случаях приходилось также наблюдать, что во время сбора пищи для птенцов родители предпочитали добывать прямокрылых Orthoptera (Корелов 1948; Бельская 1971). Но наряду с этим в литературе есть

Состав корма птенцов золотистой щурки *Merops apiaster*

Таксоны	Число экз.	
	Абс.	%
Odonata	45	36.6
<i>Aeschna</i> sp.	24	19.5
Libellulidae	18	14.7
<i>Cordulia aenea</i> L.	1	0.8
Odonata, ближе не определённые	2	1.6
Hymenoptera	34	27.7
<i>Apis mellifera</i> L.	26	21.2
<i>Bombus</i> sp.	7	5.7
<i>Dasipoda plumipes</i> Panz.	1	0.8
Heteroptera	25	20.3
<i>Eurygaster integriceps</i> Put.	23	18.7
<i>Carpocoris</i> sp.	1	0.8
Pentatomidae, ближе не определённые	1	0.8
Coleoptera	13	10.6
<i>Anisoplia austriaca</i> Hbst.	12	9.8
<i>Melolontha hippocastani</i> F.	1	0.8
Lepidoptera	3	2.4
<i>Dendrolimus pini</i> L.	2	1.6
<i>Vanessa urticae</i> L.	1	0.8
Orthoptera	2	1.6
<i>Schinionotus coeruleans</i> L.	1	0.8
<i>Chortippus bicolor</i> L.	1	0.8
Diptera	1	0.8
<i>Tubifera pendula</i> L.	1	0.8
Итого:	123	100.0

немало сведений и о том, что излюбленным кормом птенцов являются всё-таки перепончатокрылые (Gal, Libos 1967-1968; Приклонский, Лавровский 1974; Martinez 1984).

Из таблицы видно, что в нашем материале на долю Hymenoptera приходилось всего 27.7% от всех собранных экземпляров корма. Перепончатокрылые занимали всего лишь второе по количеству место в рационе птенцов. Первое место в питании птенцов занимали Odonata (36.6%). На третьем месте находились Heteroptera (20.3%). В общей сложности на долю этих трёх групп насекомых приходилось 84.6%, т.е. основная масса объектов питания. Что же касается Coleoptera, которых поедают взрослые щурки, то их в корме птенцов было совсем немного (10.6%), причём среди них преобладали посевные кузки *Anisoplia austriaca*. Насекомых из отрядов Lepidoptera, Orthoptera и Diptera родители давали птенцам очень редко. В общей сложности на их долю пришлось всего 4.8%.

В течение дня интенсивность кормления птенцов неодинакова. Наибольшее число кормовых прилётов наблюдалось в утренние и вечерние часы, тогда как днём, когда было очень жарко, птенцы получали пищу не-

сколько реже — за 1 ч всего примерно 20 насекомых. Это совсем немного, если учесть, что, например, в гнездо с 6 птенцами шурки обычно приносят за 10 мин в среднем 5 насекомых (Корелов 1948). В процессе работы было отмечено, что кормление прекращалось рано, ещё до наступления темноты, обычно в восьмом часу вечера.

На основании полученных данных у нас появилась возможность оценить хозяйственное значение, которое имели золотистые шурки в районе исследования в период работы с ними. Что касается вредных насекомых, обнаруженных в корме птенцов, то на их долю приходилось 38.2%. К их числу следует отнести посевного кузьку, майского жука, вредную черепашку *Eurygaster integriceps* и соснового шелкопряда *Dendrolimus pini*. Полезные же насекомые, а именно домашние пчёлы, дикие мохнатые пчёлы *Dasipoda plumipes* и шмели составляли в рационе птенцов 27.7%.

Все эти данные интересно сравнить с результатами исследований других орнитологов. Надо сказать, что единого мнения о хозяйственном значении золотистых щурок у них нет. Согласно одной точке зрения, шурки уничтожают больше полезных насекомых, чем вредных (Прекопов 1941; Якубанис, Литвак 1962; Gal, Libos 1967-1968). Из полезных добычей щурок становятся главным образом шмели и пчёлы, причём из числа последних поедаются как домашние, так и дикие (Туров 1949); Осмоловская, Формозов 1955; Nachler 1956; Косенко, Крапивный 1990). Особенно много пчёл шурки добывают после вылета птенцов (Балдаев, Попов 2001) и в период осеннего отлёта (Сихарулидзе 1976), а также иногда и весной, в мае, когда другого корма мало (Черничко, Кирикова 1991). На основании таких данных иногда делается вывод, что существенный вред пчеловодству шурки приносят лишь осенью (Корелов 1948). С другой точки зрения акцент делается на том, что рацион щурок включает довольно много вредных насекомых (Мустафаев, Ханмамедов 1961; Прокофьева 1964; Ханмамедов, Гасанова 1965).

Из всего сказанного следует, что вред, который шурки приносят прежде всего пчеловодству, наблюдается в основном в тех местностях, где имеется много пасек. В районе же поймы Савалы, где мы вели наблюдения за питанием этих птиц, шурки являются скорее полезным видом, поедающим некоторых серьёзных вредителей лесов и полей. Отсутствие пасек поблизости от гнездовых мест этих птиц служит причиной сравнительно небольшой встречаемости пчёл в кормовом рационе последних. В таких условиях значительный процент диеты щурок составляют нейтральные насекомые (стрекозы и др.). Мы уже писали о том, что в непчеловодческих местностях гнездование щурок можно приветствовать (Прокофьева 1964). Гнездование же щурок вблизи пасек, да ещё большими колониями, допускать, видимо, нельзя. Вопрос о том, как надо относиться к этим птицам в той или иной местности, должен решаться в зависимости от конкретных условий.

Литература

- Балдаев Х.Ф., Попов А.В. 2001. О распространении и экологии золотистой шурки в республике Марий Эл // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 64-65.
- Бельская Г.С. 1976. О репродуктивном цикле и питании золотистой шурки в Туркмении // *Орнитология* 12: 125-131.

- Корелов М.Н. 1948. Материалы по экологии и экономическому значению золотистой шурки // *Изв. АН КазССР. Сер. зоол.* **51**, 7: 107-123.
- Косенко С.М., Крапивный А.П. 1990. К вопросу о трофических связях золотистой шурки // *Вестн. Харьков. ун-та* **346**: 84.
- Мередов М.О. 1986. О вредном влиянии шурок на пчеловодство в Туркменистане // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., **2**: 65-66.
- Мустафаев Г.Т., Ханмамедов А.И. 1961. К экологии золотистой шурки в Куба-Хачмасской зоне Азербайджана // *Изв. АН АзССР. Сер. биол. и мед. наук.* **1**: 83-88.
- Новиков Г.А. 1976. Материалы по питанию птиц в лесостепных дубравах // *Биоценотические отношения организмов*. Л.: 121-130 (2-е изд.: Новиков Г.А. 2001. Материалы по питанию птиц в лесостепных дубравах // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 155: 705-711).
- Осмоловская В.И., Формозов А.Н. 1955. О питании золотистой шурки Нижнего Поволжья и юго-восточного Предкавказья // *Тр. Ин-та геогр. АН СССР* **66**: 241-256.
- Прекопов А.Н. 1941. К биологии золотистой шурки в Предкавказье // *Тр. Ворошилов. пед. ин-та* **3**, 2: 25-31.
- Приклонский С.Г., Лавровский В.В. 1974. Материалы по экологии золотистой шурки и перспективы её охраны в среднем течении реки Оки // *Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф.* М., **2**: 106-108.
- Прокофьева И.В. 1964. Золотистая шурка // *Пчеловодство* **5**: 41.
- Прокофьева И.В. 2004. О методах, облегчающих работу с гнёздами и птенцами во время наблюдений за питанием птиц // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. **250**: 62-66.
- Сихарулидзе Э.Д. 1976. Биоэкология и количество представителей из отряда ракшеобразных (Coraciiformes) в Сагурамском заповеднике и окрестностях Пшав-Хевсурети // *Заповедники Грузии*. Тбилиси, **4**: 263-298.
- Туров И.С. 1949. Золотистая шурка в Тульской области // *Охрана природы* **9**: 116-117 (2-е изд.: Туров И.С. 2002. Золотистая шурка *Merops apiaster* в Тульской области // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 181: 304-306).
- Ханмамедов А.И., Гасанова З.Г. 1969. К экологии золотистой шурки в Азербайджане // *Орнитология в СССР*. Ашхабад, **2**: 680-682.
- Харченко Л.П., Михайлов В.А., Грамма В.Н., Маловичко Л.В. 1999. Насекомые в питании золотистой шурки (сообщение второе) // *Изв. Харьков. энтомот. общ-ва* **7**, 2: 93-98.
- Черничко И.И., Кирикова Т.А. 1991. Экология и практическое значение золотистой шурки в южных областях Украины // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, **1**: 161-162.
- Якубанис В.Н., Литвак М.Д. 1962. Питание золотистой шурки в Приднестровье Молдавии // *Вопросы экологии и практического значения птиц и млекопитающих Молдавии*. Кишинёв: 49-55.
- Berndt R.K., Berkenhagen P. 1991. Brutnachweis des Bienfressers (*Merops apiaster*) 1989 in Schleswig-Holstein // *Corax* **14**, 2: 87-94.
- Biber O. 1971. Contribution à la biologie de reproduction et à l'alimentation du guêpier d'Europe *Merops apiaster* en Camargue // *Alauda* **30**, 3: 209-212.
- Dyer M., Demeter A. 1981 (1982). Notes on the provisioning rates of bee-eaters (*Merops apiaster*) in North-East Hungary // *Aquila* **88**: 87-90.
- Esmaili M. 1974. Bee-eaters — a problem for beekeepers in Iran // *Amer. Bee J.* **114**, 4: 136-137.
- Gal J.K., Libus A. 1967-1968. Beiträge zur Kenntnis der Brutnahrung des Bienenfressers (*Merops apiaster* L.) // *Zool. abhandl. und Staatl. Museum Tierkunde Dresden* **29**: 95-102.
- Hachler E.M. 1956. Hnizdění vlny pestré na jižní Moravě // *Ziva* **4**, 3: 115.
- Helbig A. 1982. Zur Nahrungsökologie eines nordeutschen Bienenfresser (*Merops apiaster*) — Paars mit Überlegungen zum Auftreten im nördlichen Mitteleuropa // *Vogelwelt* **103**, 5: 161-177.
- Herrera C.M., Ramirez A. 1974. Food of bee-eaters in southern Spain // *Brit. Birds* **67**, 4: 158-164.
- Krebs J.R., Avery M.J. 1985. Central place foraging in the European bee-eater, *Merops apiaster* // *J. Anim. Ecol.* **54**, 2: 459-472.

- Martinez C. 1984. Notes sur l'alimentation du guepier (*Merops apiaster* L.), dans une colonie du centre de l'Espagne // *Alauda* **52**, 1: 45-50.
- Martinez C. 1989. Notas sobre la alimentacion del abejaruco // *Vida Apicola* **5**: 40-43.
- Satterlin Fr. 1962. Bienenfresser im Elsass bei Basel // *Ornithol. Beobacht.* **59**, 3: 90-91.
- Trippmacher K.-H. 1983. Beobachtungen aus einer Beinenfresser-Kolonie in Bulgarien // *Falke* **30**, 7: 222-224.
- Ursprung J. 1979. Zur Ernährungsbiologie ostösterreichischer Bienenfresser (*Merops apiaster*) // *Egretta* **22**, 1: 4-17.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 254: 189-198

Орнитологические наблюдения на Кипре в августе 2002 года

А.Г.Резанов¹⁾, А.А.Резанов²⁾

¹⁾ Кафедра биологии, Московский городской педагогический университет,
ул. Академика Чечулина, д. 1, Москва, 105568, Россия

²⁾ Кафедра зоологии и экологии, Московский педагогический государственный
университет, ул. Кибальчича, д. 6, корп. 5. Москва, 129278, Россия

Поступила в редакцию 26 ноября 2002

2-11 августа 2002 мы провели орнитологические наблюдения на острове Кипр в Средиземной море. Конкретные сроки и места наблюдений: 2-5, 9-11 августа — окрестности Ларнаки; 6 августа — автобусный маршрут Ларнака—Куриум—Пафос—Ларнака; 7 августа — автомобильный маршрут Ларнака—Лимассол—горный массив Троодос (в районе горы Олимпус, 1951 м н.у.м.)—Левкара—Ларнака; 8 августа — автобусный маршрут по окрестностям Ларнаки и поездка на катере по бухте у Ларнаки; 9 августа — автомобильный маршрут Ларнака—Лимассол—Пафос—ущелье Авгас—Лара-Бич (п-ов Акамас)—Ларнака.

Основным местом стационарных наблюдений в окрестностях Ларнаки служили прибрежные высохшие марши в районе отеля “Лениос (Lenios)”. Площадь маршей не более 1.5×1.5 км. Здесь растут солянки *Salicornia* sp., ситник *Juncus* sp., а по берегам каналов изредка встречаются небольшие куртины тамарикса *Tamarix* sp., ив *Salix* spp., тростника *Phragmites australis*, а на сухих участках — чертополох *Carduus* sp. и др. Вода оставалась только в узких каналах протяжённостью 1000, 350 и 350 м и в небольшой мелководной луже длиной 10-15 м, отгороженной с одной стороны полосой тамарикса.

Для Кипра характерно жаркое сухое лето. За время нашего пребывания на острове стояла исключительно солнечная погода, температура воздуха не опускалась ниже +30°C и только в горах Троодос она доходила до +25°C. Всё лето дождей на острове практически не было. Небольшие реки, прибрежные марши и солёное озеро в окрестностях Ларнаки полностью высохли. Растительность в низменных прибрежных районах острова средиземноморского типа (маквис), по склонам предгорий произрастают оливковые (*Olea europaea*) и

кипарисовые рощи, в горах Троодос преобладают хвойные породы: интродуцированная с Канарских островов алеппская сосна *Pinus halepensis* (по Брауну, 2000, она составляет до 90% древесной растительности острова) и другие виды, включая эндемичный кипрский, или троодосский кедр *Cedrus brevifolia*. В горных речных долинах произрастают платаны *Platanus* sp., земляничное дерево *Arbutus* sp., чёрные тополя *Populus nigra*. В городах много кипарисов *Cupressus sempervirens*, интродуцированы эвкалипты *Eucalyptus* spp., пальмы (*Phoenix dactylifera*, *Washingtonia filifera*), бананы *Musa* sp., араукарии *Araucaria excelsa*, фикусы *Ficus* spp., магнолии *Magnolia* spp., олеандр *Nerium oleander*. Произрастает инжир, или фиговое дерево *Ficus carica*, фисташка *Pistacia* sp.

За период наблюдений отмечено 50 видов птиц — оседлых, гнездящихся, а также встречающихся на Кипре в период осенней миграции.

Podiceps ruficollis. Малая поганка гнездится на островах Средиземного моря (Степанян 1990). Птицы в зимнем перье постоянно наблюдались на каналах среди маршей в окрестностях Ларнаки. Общая численность на двух каналах составила 4 особи (по 2 пары). Продолжительность кормовых ныряний — 19 и 34 с ($n = 2$). При близком подходе наблюдателя поганки также занывали.

Egretta garzetta. Малая белая цапля встречена на канале только 11 августа, хотя свежие следы отмечались неоднократно. Указаний на гнездование этого вида на Кипре нет (Степанян 1990). Выделены следующие кормовые методы: 1) цапля медленно ходит по мелководью (на глубине полцевки), затем 2-3 м преследует вспугнутую рыбёшку; 2) стоит на мелководье, всматриваясь вперёд, а затем, нередко зигзагами, преследует добычу.

На дамбе мы неоднократно регистрировали следы ещё двух видов цапель (12 и 18 см длиной). По-видимому, это цапли, имеющие ночную активность (*Nycticorax nycticorax*, *Ardea purpurea*), поскольку в светлое время суток они нами не замечены. Попытки обнаружить их на днёвке также оказались безрезультатными. Известно, что рыжие цапли из Приазовья в первой половине августа уже долетают до Турции и встречены даже в экваториальной Африке (Сапетин 1978).

Anas platyrhynchos. 4 августа над маршами пролетела одиночная самка. Для крякв известно гнездование на большинстве островов Средиземного моря (Степанян 1990).

Anas strepera. 4 августа 9 серых уток пролетело над маршами. Ближайшие места гнездования вида — Малая Азия (Heinzel *et al.* 1997).

Anas querquedula. Гнездится (Степанян 1990). Одиночная самка держалась на канале, иногда в компании с лысухой *Fulica atra*.

Hieraetus fasciatus. На Кипре ястребиный орёл гнездится (Степанян 1990). 7 августа в горном массиве Троодос (район горы Олимпус) мы наблюдали парящего над лесистой котловиной орла. Птица чередовала скольжение с отдельными взмахами крыльев.

За указанный период наблюдений белоголовые сипы *Gyps fulvus* и чёрные грифы *Aegypius monachus*, как известно, гнездящиеся на Кипре (Степанян 1990), нами не отмечены. По свидетельству экскурсоводов, сопровождающих джип-сафари, грифы встречаются только в предгорьях в районе Пафоса (английская зона), но и здесь мы их не видели.

Falco eleonoraе. Популяция этого сокола на Кипре насчитывает 60 размножающихся пар, в основном гнездящихся на утёсах Episkopi и Akrotiri (International...1999). 4 августа в окрестностях Ларнаки сокол (тёмная морфа) преследовал группу из 20-30 летящих на ночёвку испанских воробьёв *Passer hispaniolensis*. 6 августа отдельных соколов мы наблюдали в районе Лимассола (Лемесоса) и Куриума. Недалеко от Пафоса две молодые птицы отдыхали на верхнем карнизе старого маяка (XIX в.) на высоком обрывистом берегу и испугнутые полетели к морю. 9 августа соколы Элеоноры отмечены нами на п-ове Акамас: около Лара-Бич сокол летел над прибойной полосой в 20-30 м от скалистого берега, а в районе Купальни Афродиты — над оливковой рощей.

Falco naumanni. Гнездится (Степанян 1990). Больше известна как преимущественный энтомофаг, чем орнитофаг, добывающий мелких воробьиных птиц (Холодковский, Силантьев 1901; Дементьев 1951; Корелов 1962; Иванов 1969; Cramp, Simmons 1982). 3 августа в окрестностях Ларнаки мы наблюдали охоту степной пустельги (пара; определение проведено по самцу) на испанских воробьёв. За время формирования ночёвки (с 18 ч 40 мин до 20 ч) только в саду одного из отелей ("Palm Beach Hotel") собралось до 2-3 тыс. воробьёв, растянувшись по фронту на 300 м. Птицы рассаживались на высоких финиковых пальмах и эвкалиптах возле отеля. Анализ охотничьего поведения степной пустельги позволил выделить следующие кормовые методы: 1) "вспугивающий полёт" при непосредственном облёте крон; явление вспугивающего полёта весьма характерно для различных видов соколообразных (Резанов 1998); 2) "вспугивающий полёт" с "зависанием" ("hovering") во время порхающего полёта ("fluttering") у некоторых участков крон деревьев; 3) охота с присады: самец после поискового полёта сел на мутовки отвалившихся листьев пальмы прямо под розеткой листьев (рядом чуть выше были воробьи) и "сканировал" ("scanning") пространство между деревьями. По всей вероятности, соколог выжидал удобный момент, чтобы взять воробья на взлёте или при посадке в крону. В этот момент потенциальная добыча наиболее доступна, поскольку при выборе конкретного места для посадки воробьи заметно гасили скорость и переходили на порхающий полёт. Посадки пустельги в кроны деревьев были неоднократны; 4) отмечено довольно продолжительное воздушное преследование, расцениваемое нами как вариант воздушной охоты. По-видимому, во время разведывательного полёта (или во время высматривания добычи с присады) сокола замечали стайки воробьёв, следующих на ночёвку, и начинали их сопровождать, выбирая удобный момент для атаки. Атака пустельги, вероятнее всего, наиболее эффективна при посадке воробьёв на деревья. Испугнутых кольчатых горлиц *Streptopelia decaocto* пустельга не преследовала. 8 раз пустельга появлялась со стороны предгорий, откуда воробьи летели на ночёвку. Соколки преследовали добычу в одиночку, на высоте невысоких деревьев и кустарников, не используя вариантов коллективной охоты. Непосредственных контактов пустельги с добычей мы не наблюдали. Типичная воздушная кормёжка степной пустельги, когда разыскивание и добывание корма осуществляются в воздухе, наблюдается только при охоте на насекомых, образующих плотные воздушные скопления (Ferguson-Lees

1967; Sage 1967; Cramp, Simmons 1982). При этом пустельги нередко собираются в крупные скопления.

Falco tinnunculus. На Кипре обыкновенная пустельга оседла (Зауэр 1998). 5 августа самка отмечена около отеля “Лениос” (окр. Ларнаки). Она сидела на изоляторе телеграфного столба по краю небольшого садика и “сканировала” кустарниковые заросли. Затем, видимо что-то заметив, полого спикировала вниз. 9 августа самец обыкновенной пустельги патрулировал (“вспугивающий полёт”) край скалистой стены в ущелье Авгас.

10 августа мы видели сравнительно крупного сокола рыжевато-бурой окраски со светлым надхвостом, летавшего над маршами на высоте 5-6 м. Мы не смогли определить его видовую принадлежность.

Rallus aquaticus. Гнездится (Heinzel *et al.* 1997). 5 августа два одиночных пастушка переходили через дорогу на дамбе и спускались к каналу.

Gallinula chloropus. Гнездится на островах Средиземного моря (Степанян 1990). 9 августа две птицы перебежали через дорогу на дамбе.

Fulica atra. Гнездится на островах Средиземного моря (Степанян 1990). Постоянно 7-9 лысух держалось на каналах среди маршей. Кормились из положения “на плаву”, а также ныряли.

Charadrius dubius. Ближайшее место гнездования находится на острове Крит (Степанян 1990). Нами эти зуйки встречены на маршах 10-11 августа. 2 молодых и 1 взрослая птица кормились на отмели по краю лужи. Зуйки кормились в типичной манере, используя пробежки как по открытым участкам, так и по сухой грязи среди куртинок травы. Типы клевков: поверхностные и зондирующие. При зондировании на всю длину клюва птица принимали позу “хвостом вверх”. Интенсивность кормёжки составила 8.54 ± 2.97 клевков в 1 мин (lim 5-15; *S.D.* = 3.26; *P* = 0.001; *n* = 13) и в значительной степени определялась продолжительностью остановок. На долю зондирования пришлось до 8-12 клевков/мин (*n* = 2). 10 августа над маршами на высоте до 30 м пролетела стайка из 8 малых зуйков.

Hoplopterus spinosus. На Кипре шпорцевый чибис гнездится (Степанян 1990). Все дни наших наблюдений 2-3 чибиса постоянно держались среди высохших маршей. Чаще всего мы наблюдали их на такыре среди невысокой травянистой растительности и кустов ситника. Чибисы передвигались пробежками, подолгу стояли, скрытые растительностью. Потревоженные птицы, стоя на каком-нибудь бугре, издавали громкие отрывистые крики. При подходе наблюдателей взлетали и с криками кружились над ним, отлетали в сторону и вновь возвращались. 10 августа 2 шпорцевых чибиса сели около лужи, но не кормились. Несколько раз чибисы встречались по берегам канала.

Himantopus himantopus. На Кипре ходулочник гнездится нерегулярно (Степанян 1990). Как и шпорцевые чибисы, ходулочники были постоянными обитателями маршей. В дни наблюдений мы встречали от 5 до 8 особей. 4 августа на такыре найден довольно свежий труп молодой птицы. В сумерки 10 августа над маршами пролетела стая из 21 птицы. Ходулочники (взрослые и молодые) держались на открытых пространствах среди маршей, по берегам каналов и на мелководной луже. Вспугнутые птицы обычно взлетали группой и с громкими резкими криками сопровождали

наблюдателей. Кормились они на мелководье канала (у самого берега) и на луже. Выделены следующие кормовые методы: 1) клевки с погружением клюва из положения стоя на мелководье (обычно не глубже цевки); 2) клевки с поверхности воды из того же положения; 3) клевки с поверхности грунта (на урезе) из того же положения; 4) клевки с поверхности воды во время ходьбы по мелководью; 5) клевки с погружением клюва при ходьбе по мелководью — из толщи воды; 6) клевки с погружением клюва при медленной ходьбе по мелководью — зондирование подводного грунта; 7) “множественное кошение” (делается серия “кошений” без вытаскивания клюва из воды) во время ходьбы по мелководью; 8) во время ходьбы по мелководью бросок по брюхо в воду и клевок с погружением клюва; добычей, вероятно, служила мелкая (1.5-2 см) рыбёшка, в обилии державшаяся у самого берега; 9) клевки с поверхности грунта при нахождении на грязевой отмели. Интенсивность кормёжки составила 17.09 ± 9.46 клевков в мин ($\text{lim } 6-42$; $S.D. = 9.54$; $P = 0.001$; $n = 11$). Соотношение типов клевков: 1) поверхностные — 61 (40%); 2) с погружением клюва (из толщи воды и зондирование подводного грунта) — 75 (48%); 3) “множественное кошение” (по сериям) — 15 (10%); 4) клевки с отмели — 3 (2%).

Tringa ochropus. Зимующий вид (Heinzel et al. 1997). Одиночные черныши отмечены нами на канале 5 и 10 августа.

Tringa nebularia. Зимующий вид (Heinzel et al. 1997). 9 августа над маршами пролетело 2 больших улита.

Tringa stagnatilis. Мигрирующий вид (Heinzel et al. 1997). 5 августа (утром и вечером) мы встретили поручейника на канале в компании с чернышом.

Actitis hypoleucos. Зимующий вид (Heinzel et al. 1997). 10 августа мы слышали крики пролетающего над маршами перевозчика.

Larus melanocephalus. Зимует (Heinzel et al. 1997). Наблюдали 5 августа над берегом моря одиночную перелинявшую черноголовую чайку.

Larus ridibundus. Зимует (Heinzel et al. 1997). 11 августа одиночная озёрная чайка (в зимнем пере) пролетала над маршами.

Larus cachinnans. Оседла (Heinzel et al. 1997). 8 августа в районе Ларнаки отмечена взрослая хохотунья. 9 августа в Петра-ту-Ромиу взрослая чайка сидела на прибрежной скале Петра-ту-Ромиу (“камень Ромейца”, южный берег Кипра).

Larus audouinii. Оседла (Heinzel et al. 1997). 8 августа в бухте Ларнаки в нескольких сотнях метров от берега с катера мы наблюдали 2 чаек Одуэна (ad и juv).

Обращает на себя внимание тот факт, что чаек на южном побережье острова практически не было. Даже длительные наблюдения в бинокль не давали результатов. Местные жители объясняли это отсутствием у берегов рыбы. Дно здесь ровное, песчаное. Погружение в Ларнакской бухте на туристической подводной лодке “Садко” показало правоту их слов. Рыба (несколько видов окунеобразных и мелких сельдеобразных) держалась только на глубине 50 м у затонувшего паромы “Зенобия”.

Columba livia. Оседлый вид (Степанян 1990; Heinzel et al. 1997; Зауэр 1998). По нашим наблюдениям, сизый голубь здесь немногочислен. В

районе Ларнаки (у отеля “Лениос”) за всё время наблюдений мы отметили не более 30 голубей, из них 11 — на строениях человека, в т.ч. 6 — на недостроенных домах. На автобусном маршруте Ларнака—Пафос нами учтено 85 голубей, из них 20 — на строениях человека. 9 августа в скалах в районе Пафоса держалось 5 сизых голубей. Здесь возможно их гнездование.

В городах (Ларнака, Лимассол, Пафос и др.) мы встречали группы не более, чем из 5-6 голубей, в сельской местности — до 20-30, например, кормящихся на плантациях арахиса. В окрестностях Ларнаки на пустырях около отеля “Лениос” по утрам кормились 2-5 голубей “дикой” (сизой) окраски. Эти голуби отличались на редкость большой дистанцией вспугивания (5-6 м), по сравнению с голубями московской популяции (и других городов европейской части России). 10-12 голубей кормились в поле за маршами. В связи с этим интересно заметить, что в Дагестане, около Аграханского залива, один из авторов осенью 1971 и 1974 наблюдал стайки диких сизых голубей, кормящихся на полях вдали от населённых пунктов. Птицы не подпускали к себе ближе, чем на 30-40 м. Следует отметить и тот факт, что и в городах нередко встречаются стайки голубей, собирающих корм в естественных местообитаниях: в Петрозаводске — на берегу Онежского озера, в Анапе — на берегу Чёрного моря, в Стамбуле — на берегу Мраморного моря. Причём голуби нередко кормятся в зоне заплеска и даже заходят на мелководье.

В городах (Ларнака, Лимассол и др.) сизые голуби держались на домах, не спускаясь на тротуары. Наземная кормёжка отмечена только на пустырях и лужайках возле отелей. Ни разу мы не наблюдали здесь подкармливания голубей или разыскивания ими корма на тротуарах. Окраска птиц сизая (не более 20-30%), кофейная, белая, кофейно-белая. Голубей чеканной морфы, характерной для урбанизированных территорий, здесь мы не видели.

Streptopelia decaocto. Оседла (Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). В окрестностях Ларнаки и её туристической зоне мы неоднократно видели одиночных кольчатых горлиц (чаще всего на проводах) и слышали их воркование. 3 августа охотящаяся степная пустельга вспугнула 2 горлиц с эвкалипта в саду отеля “Пальм Бич”. 9 августа кольчатая горлица встречена нами в эвкалиптовой роще у Купальни Афродиты (полуостров Акамас).

Streptopelia turtur. Гнездится (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). 6 августа в Лимассоле 1 горлица сидела в кроне эвкалипта.

Apus apus. Гнездится (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). Двух чёрных стрижей мы наблюдали 6 августа в Лимассоле.

Apus pallidus. Гнездится (Heinzel *et al.* 1997). Встречен нами 10 и 11 августа над маршами в окрестностях Ларнаки. Это были одиночные птицы, и только раз над нами на высоте 10-15 м пролетели два стрижа.

Обращает на себя внимание отсутствие встреч *Apus melba*, обычного на Кипре на гнездовании (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998).

Coracias garrulus. Гнездится (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). Одиночная сизоворонка отмечена нами 6 августа в каменной нише среди скал около Куриума (п-ов Акротири, южный берег Кипра).

Dendrocopos sp. 7 августа в горах Троодос (800 м н.у.м.) в тенистом лесу (платаны, чёрные тополя, заросли папоротника, лианы) мы вспугнули

какого-то пёстрого дятла. Судя по размерам и окраске, это мог быть либо *D. major*, либо *D. syriacus*. В просмотренных нами справочниках они для Кипра не указаны, хотя местные жители пёстрых дятлов в горах встречают.

Ptyonoprogne rupestris. Гнездится (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). 3 августа несколько скальных ласточек кормилось над садом, примыкающим к известковому плато в окрестностях Ларнаки.

Hirundo rustica. Гнездится (Там же). По 1-10 деревенских ласточек мы постоянно наблюдали в окрестностях Ларнаки (в садах отелей, над пляжем и маршами), встречали их около Пафоса (6 августа), в горах Троодос (7 августа). Например, 2 августа уже в сумерках 4-5 ласточек кормилось над пляжем на высоте 3-4 м. Судя по всему, они ловили насекомых, принесённых бризом со стороны предгорий. Над маршами деревенские ласточки нередко охотились совместно с *H. daurica* (см. ниже). 5 августа ласточки кормились многочисленными двукрылыми над мелководными лужами, а также низкорослой растительностью на сухих участках маршей. В последнем случае птицы могли использовать “вспугивающий полёт”. 11 августа группы до 5-10 ласточек кормились насекомыми, выющимися над каналами. Птицы обычно заходили с высоты 1 м, спускались до самой воды и летели над каналом. Судя по броскам, они добывали насекомых в основном в угон и бросками в бок, изредка схватывая летящих навстречу мошек. Отмечена как утренняя, так и вечерняя кормёжка, даже после захода солнца (19 ч 40 мин). Дневных наблюдений на маршах мы не проводили. Днём мы наблюдали ласточек, охотящихся в садах отелей; они облетали кроны высоких кустов и деревьев.

Hirundo daurica. Гнездится (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). Рыжепоясничных ласточек мы встречали только на маршах, как одиночных, так и группы до 4-5, нередко совместно с *H. rustica*. И те, и другие охотились за насекомыми над каналами и среди низкой растительности. Внешних различий в способах охоты этих видов (в смешанных группах) нам уловить не удалось, за исключением, пожалуй, более медленного и менее маневренного полёта у рыжепоясничной.

Delichon urbica. Гнездится (Там же). 3-4 августа одиночная городская ласточка охотилась над садами и над маршами (в группе из 10 *Hirundo rustica* и 1-2 *H. daurica*). 7 августа мы неоднократно наблюдали воронков в горах Троодос (от 800 м н.у.м. и выше). Над утёсом у монастыря Кикко (1140 м) летало 10 ласточек, у горы Олимпос (1951 м) 30-40 воронков охотилось над лесистой котловиной, поросшей соснами и кедрами.

Galerida cristata. Оседлый вид (Там же). На маршах мы периодически встречали от 1 до 5-6 хохлатых жаворонков. Птицы держались среди кустиков ситника и солянок, перебегая и перелетая с места на место. Отмечены посадки на кусты тамариска.

(?) *Ammomanes deserti*. 11 августа 8 очень крупных (крупнее хохлатого) жаворонков, светло-песчаной с пестринами окраски, сели на маршах среди солянок. Издавали посвисты. Похоже на пролётную стайку.

Garrulus glandarius glazneri. Оседла (Там же). Кипрский подвид сойки встречается в горном массиве Троодос, в частности в пиниевой роще (*Pinus pinea*) у горного монастыря Кикко (1140 м н.у.м.). Сойки здесь

крайне доверчивы и любопытны, охотно спускаются в низ крон, чтобы лучше рассмотреть группы туристов. 7 августа мы вблизи наблюдали сойку на сосне на склоне горы Олимпус.

Доверчивость и любопытство по отношению к человеку одному из авторов приходилось наблюдать ранее у соек подвида *krynicky* в Кисловодске (1999, 2001) и других местах. В парке Кисловодска сойки подлетали к человеку и выпрашивали корм. В феврале 1995 г. на городском бульваре Анапы поющая (тихое верещание) сойка подпустила человека почти вплотную (Резанов 2002). В Кабардино-Балкарии (наблюдения 1999 г.) сойки обычны в зоне отдыха в районе Голубых озёр; не пугливы, растаскивают остатки пищи после пикников.

Pica pica. Оседла (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). По 1-2 птицы изредка встречали в окрестностях Ларнаки (от маршей до известковых предгорий), Пафоса, на Лара-Бич (п-ов Акамас).

Corvus monedula. Оседла (Там же). 6 августа у Петра-ту-Ромиу (южный берег Кипра) над склоном горы пролетело 6 галок.

Corvus cornix. Оседла (Там же). По нашим наблюдениям, серая ворона весьма малочисленна. В районе Ларнаки за всё время наблюдений мы зарегистрировали 36 ворон, из них 8 — в туристической зоне в местах застройки. В районе отеля “Лениос” (окрестности Ларнаки) держалось 1-2, до 5 ворон. 5 августа над высохшими маршами около Ларнаки отмечена группа из 21 вороны, летящая к морю. По-видимому, птицы собирались на ночёвку в прибрежные сады. Около Пафоса мы видели не более 6-7 ворон одновременно. В центре крупных городов (Ларнака, Лимассол, Пафос и др.) ворон почти не видно. Только однажды мы наблюдали серую ворону возле мусорного контейнера. Во время автобусного маршрута Ларнака—Пафос (около 200 км) мы учли только 12 ворон.

Acrocephalus scirpaceus. Гнездится (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997). Встречена нами 4 августа на маршах у Ларнаки (пела) и 6 августа недалеко от Пафоса среди сухих зарослей чертополоха, тростника и др.

Oenanthe isabellina. На Кипре зимует (Heinzel *et al.* 1997). 3 августа 1-2 каменки-плясуны встречены нами несколько раз на пляже в окрестностях Ларнаки.

Phoenicurus phoenicurus. Гнездится (Степанян 1990; Зауэр 1998). 4 августа на маршах встречена одиночная самка. Птица прыгала по большой коряге, делая клевки с её поверхности.

Turdus torquatus. По одним данным (Степанян 1990), гнездится; по другим (Heinzel *et al.* 1997) — только зимует. 7 августа в районе водопадов Каледония (горы Троодос) на горном склоне, поросшим кустарником и алеппской сосной, мы наблюдали одиночного белозобого дрозда.

Parus major. Оседла (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). Поющего самца мы слышали в ущелье Авгас (р-н Пафоса). Заросли алычи, акации и жестколистый кустарника по берегам ручья.

Passer hispaniolensis. Оседлый (Heinzel *et al.* 1997). Отдельные птицы и небольшие группы постоянно держались возле отелей в турзоне Ларнаки. Определение вида проведено по самцам. На ночевку испанские воробьи летели в сады береговых отелей. По наблюдениям 3 августа, воро-

бы летели с предгорий в сторону моря группами по 5-10, 30-40 и более (до 50-80) особей, собираясь на ночёвку в садах прибрежных отелей. За период формирования ночёвки (с 18 ч 40 мин до 20 ч 00 мин) только в саду одного из отелей ("Palm Beach Hotel") собралось до 2-3 тыс. воробьёв, растянувшись по фронту на 300 м. Птицы рассаживались на высоких финиковых пальмах и эвкалиптах, растущих возле отеля; у других отелей также на фикусах и магнолиях. У соседних отелей тоже отмечены собирающиеся на ночёвку воробьи. Некоторые группы воробьёв ночевали в тростнике и на кустах тамариска по краю маршей. Например, 10 августа в 19 ч 20 мин на одном из кустов находилось примерно 150 испанских воробьёв, включая взрослых самцов. Однако, во всех скоплениях заметно преобладали самки и молодые птицы.

Днём испанские воробьи небольшими группами кормились со стороны отелей по краю маршей, а также в пляжной зоне. Массовых кормовых скоплений в дневное время в городах не отмечено. Мы также не отмечали мест подкормки воробьёв горожанами, как это наблюдается в европейских городах в отношении домовых воробьёв *Passer domesticus*.

Согласно Л.С.Степаняну (1990), на некоторых островах Средиземного моря *P. hispaniolensis* образует гибридные популяции с *P. domesticus*.

Fringilla coelebs. Оседлый вид (Степанян 1990; Heinzel *et al.* 1997; Зауэр 1998). 7 августа у монастыря Кикко наблюдали одиночных самцов зяблика, собирающих корм на дорожках под пиниями и чёрными шелковицами *Morus nigra*. Непугливы, подпускали почти вплотную.

Carduelis carduelis. Оседлый вид (Там же). 10 и 11 августа на кустарнике по краю маршей (окрестности Ларнаки) мы встречали по 2-3 (взрослые и молодые) щегла. В частности, 11 августа два молодых щегла держались на кусте тамариска вместе с испанскими воробьями.

Литература

- Дементьев Г.П. 1951. Хищные птицы. Совы // *Птицы Советского союза*. М., 1: 1-652.
- Зауэр Ф. 1998. *Птицы*. М.: 1-287.
- Иванов А.И. 1969. *Птицы Памиро-Алая*. Л.: 1- 448.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 488-707.
- Резанов А.Г. 1998. Использование поискового полёта некоторыми соколообразными для визуализации добычи // *3-я конференция по хищным птицам Восточной Европы и Северной Азии*. Ставрополь, 1: 101-103.
- Резанов А.Г. 2002. Материалы по распределению и поведению зимующих птиц на побережье Чёрного моря в районе Анапы (Краснодарский край) // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 180: 264-275.
- Сапетин Я.В. 1978. Результаты кольцевания рыжих цапель на юге европейской части СССР // *Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Гагарообразные — Аистообразные*. М.: 220-228
- Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.:1-728.
- Холодковский Н.А., Силантьев А.А. 1901. *Птицы Европы*. С.-Петербург: 1-636.
- Cramp S., Simmons K.E.L. 1982. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa: The Birds of the Western Palearctic. Vol.II. Hawks to Bustards*. Oxford Univ. Press.: 1-695.
- Ferguson-Lees I.J. 1967. Lesser Kestrels feeding after dark on insects attracted to artificial light // *Brit. Birds* 60, 3: 136.

- Heinzel H., Fitter R., Parslow J. 1997. *Birds of Britain and Europe with North Africa and the Middle East*. London, New York, Glasgow, Sydney, Auckland, Toronto, Delhi: 1-384.
- International species action plan Eleonora's falcon Falco eleonora*. Final draft, December 1999. Prepared by BirdLife International on behalf of the European Commission: 1-34.
- Sage B.L. 1967. Lesser Kestrels feeding after dark on insects attracted to artificial light // *Brit. Birds* 60, 3: 136.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 254: 198-199

Встречи новых для юго-восточного Приладожья птиц

В.А.Ковалёв, А.П.Смирнов

Нижнесвирский государственный заповедник, Лодейное Поле,
Ленинградская область, 187710, Россия. E-mail: vkovalev@lpole.ru

Поступила в редакцию 21 февраля 2004

Благодаря повышенному вниманию орнитологов к восточным районам Ленинградской области и более чем 35-летней работе Ладожской орнитологической станции составлен достаточно полный список птиц юго-восточного Приладожья (Носков и др. 1981; Ковалёв и др. 1996). В 2002 году в нижнем течении реки Свири удалось встретить три вида птиц, новых для интересующего нас района. Эти встречи подтверждены фото- или видеоматериалами.

Tringa stagnatilis. Одиночного поручейника, кормящегося на мелководье, наблюдали 12 мая 2002 на р. Свири вблизи устья р. Шоткусы.

Xenus cinereus. На грязевых отмелях залива Гатрома у дер. Ковкиницы 24 мая 2002 одиночная мородунка разыскивала корм вместе с 16 малыми зуйками *Charadrius dubius*, 9 белохвостыми песочниками *Calidris temminckii* и 3 чернозобиками *Calidris alpina*.

Larus melanocephalus. На засеянном многолетними травами поле у деревни Ковкиницы молодая черноголовая чайка была замечена 20 апреля 2002. Птица походила размерами на озёрную чайку *Larus ridibundus*, но хорошо отличалась от последней преобладанием тёмного цвета на дистальной части первостепенных маховых и более тёмным цветом головы. Черноголовая чайка кормилась на поле рядом с чибисами *Vanellus vanellus* и сторонилась многочисленных здесь сизых чаек *Larus canus*. Последний раз черноголовую чайку встретили в окрестностях Ковкиниц 2 мая.

Поручейник и мородунка отмечены как нерегулярно гнездящиеся птицы Ленинградской области (Мальчевский, Пукинский 1983; Кондратьев, Высоцкий 1999; Рычкова 2003). Черноголовую чайку ранее в Ленинградской области не встречали, хотя для молодых особей данного вида характерны в период кочевок дальние залёты в глубь материка и за пределы об-

ластей зимовки и пролёта (Зубакин 1988). Ближайшие места гнездования черноголовых чаек находятся в Эстонии (Манк 1970).

Литература

- Зубакин В.А. 1988. Черноголовая чайка *Larus melanoccephalus* Temminck, 1820 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 77-85.
- Ковалёв В.А., Кудашкин С.И., Олигер Т.И. 1996. *Кадастр позвоночных животных Нижнесвирского заповедника*. СПб.: 1-46.
- Кондратьев А.В., Высоцкий В.Г. 1999. О гнездовании мородунки *Xenus cinereus* в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. **85**: 30-31.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 1: 1-480.
- Манк А.Я. 1970. Новые залётные и новые гнездовые птицы Эстонии // *Материалы 7-й Прибалт. орнитол. конф.* Рига, **3**: 25-30.
- Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981. Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // *Экология птиц Приладожья*. Л.: 3-86.
- Рычкова А.Л. 2003. Гнездование мородунки *Xenus cinereus* на южном побережье Невской губы // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. **247**: 1437-1438.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 254: 199-200

Гнездование кулика-сороки

Haematopus ostralegus на реке Свири

В.А. Ковалёв

Нижнесвирский государственный заповедник, Лодейное Поле,
Ленинградская область, 187710, Россия. E-mail: vkovalev@lpole.ru

Поступила в редакцию 21 февраля 2004

На реке Свири куликов-сорок *Haematopus ostralegus* в летнее время впервые наблюдали в 1997 году. Начиная с 1999 июньские встречи стали ежегодными (Ковалёв 1998, 2001). В окрестностях дер. Ковкиницы первые птицы появились в 2001 и 2002 г 13 мая, в 2003 г. — 7 мая. На протяжении июня в нижнем течении Свири можно было ежедневно наблюдать одиночных птиц и стайки, насчитывающие до 8 особей.

В 2002 году токование 4 куликов-сорок наблюдали в заливе Гатрома. Но из-за сильных суточных колебаний уровня воды птицы здесь так и не загнездились. Следует отметить, что в 2002 г. кулики-сороки были обычными на гнездовье на левом притоке Свири — реке Оять (Пчелинцев 2002).

В 2003 году уровень воды на Свири был весьма низким, так что обнажились обширные песчаные косы. Число токующих по берегам реки куликов-сорок возросло. Так, с 19 мая по 5 июня на 2-км участке от Заостров-

ской протоки до Ковкиниц ежедневно токовало от 4 до 7 птиц. Впервые для Свири был зарегистрирован факт размножения этого вида. На участке реки от дер. Ковкиницы до устья р. Оять 24 июня 2003 отметили две пары куликов-сорок с птенцами. Взрослые проявляли сильное беспокойство при приближении наблюдателя, а птенцы убегали и затаивались в куртинах осоки. Всего удалось обнаружить 3 птенцов величиной со скворца.

Помимо реки Свири, куликов-сорок в июне 2002 и 2003 встречали на побережье Свирской губы Ладожского озера.

Литература

- Ковалёв В.А. 1998. О встречах редких для юго-восточного Приладожья птиц в районе Нижнесвирского заповедника в 1997 году // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 37: 18-20.
- Ковалёв В.А. 2001. Орнитологические находки в Лодейнопольском районе Ленинградской области в 1998-2000 годах // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 137: 248-251.
- Пчелинцев В.Г. 2002. О гнездовании кулика-сороки *Haematopus ostralegus* на востоке Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 198: 869-870.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 254: 200-203

Материалы по авифауне национального парка “Русский Север” (Вологодская область)

Д.А. Шитиков, Д.В. Федчук, С.Е. Федотова

Кафедра зоологии и экологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Кибальчича, д. 5, корп. 6, Москва, 129278, Россия

Поступила в редакцию 3 февраля 2004

Исследования проводились в мае-июле 2000 и 2003 годов в южной части национального парка “Русский Север” (Кирилловский р-н Вологодской обл.). Регулярными наблюдениями были охвачены сосновые леса и сфагновые болота южнее деревни Топорня, смешанные елово-березовые и мелколиственные леса вдоль Северо-Двинского канала, а также массив сельскохозяйственных земель в районе деревень Алешино, Ананьино, Шиляково и Васькино.

Всего на территории парка мы отметили 164 вида птиц. Для 77 из них доказано гнездование (найлены гнёзда или нелётные птенцы); еще 58 видов несомненно гнездятся, однако доказательств этого нам получить не удалось; 7 видов встречены только на весеннем пролёте или во время послегнездовых кочёвок; 3 вида зарегистрированы в качестве залётных; характер пребывания ещё 19 видов остаётся неизвестным. В настоящем сообщении приводятся материалы о 15 видах, сведения о которых представляют, на наш взгляд, значительный интерес.

Ardea cinerea. Колония серой цапли из 12 жилых гнёзд обнаружена 25 июня 2003 на левом берегу Волго-Балтийского канала в 100 м от дер. Ко-

сые Гряды (59°45.8' с.ш., 38°18.5' в.д.). Колония расположена в острове соснового леса площадью 1.5 км², окружённом сельскохозяйственными угодьями.

Mergus albellus. Отмечен дважды: 6 июня 2002 самца лутка наблюдали на заполненном водой песчаном карьере севернее дер. Щетинино, 7 июня 2003 также одиночный самец встречен на одном из заливов Шекснинского водохранилища.

Mergus merganser. Самец большого крохали держался на Северо-Двинском канале у дер. Соколье с 17 по 20 июня 2003.

Falco peregrinus. В 2001-2003 гг. мы несколько раз отмечали одиночных сапсанов в ближайших окрестностях деревень Топорня и Алешино: 21 июня 2001 сапсана видели над Волго-Балтийским каналом в 1 км южнее Топорни; 26 мая 2002 — над северной частью сфагнового болота в центре лесного массива “Сокольский Бор”, 6 и 7 июня 2002 и 19 июня 2003 — над лугами у дер. Алешино; 2 июля 2002 — над мелколиственным лесом на северном берегу Северо-Двинского канала. Какими-либо сведениями о размножении сапсана в национальном парке мы не располагаем.

Lagopus lagopus. По сообщениям местных жителей, белая куропатка регулярно отмечается (главным образом в зимнее время) на моховых болотах южнее деревни Топорня. Нами зарегистрирована дважды: 15 июня 2001 в центральной части болота наблюдали одного самца, а 8 июня 2002 — двух самцов.

Tringa totanus. Редкий гнездящийся вид. 10 июня 2002 на сеяном сенокосном лугу у дер. Алешино был найден пуховой птенец травника в возрасте 2-3 дней, около него держалась одна взрослая птица. Взрослого травника наблюдали на этом лугу вплоть до 20 июня. Это единственная регистрация травника в районе наших исследований. Ближайшее место гнездования — окрестности дер. Пепел на побережье Сизьминского разлива Шекснинского водохранилища (Бутьев, Лебедева 1998).

Gallinago media. Редкий гнездящийся вид. В 2001-2002 гг. на сеяном сенокосном лугу в 300 м к югу от дер. Алешино существовал небольшой (не более 10 самцов) ток. Дупеля токовали здесь начиная с последней декады мая, последний раз токование этих куликов слышали 12 июня 2001 и 22 июня 2002. Вероятно, большая часть гнёзд была расположена на заброшенном и зарастающем кустарником участке луга в 150 м южнее тока. В 2001 г. здесь найдено одно гнездо, в 2002 — два. Кроме того, 24 июня 2002 выводок (взрослая птица и 2 пуховых птенца в возрасте 2-3 дней) обнаружен в мелиоративной канаве у дер. Алешино (около 300 м от границы тока). В 2003 г. ток исчез, дважды (2 и 7 июля) поднимали одиночных птиц.

Limosa limosa. Большой веретенник распространён по территории Вологодской области весьма неравномерно, предпочитая заболоченные выпасные луга и озёра со сплавинами (Бутьев и др. 1998). В 2001 году пару больших веретенников ежедневно наблюдали на обширном массиве полей и лугов в окрестностях деревень Алешино и Ананьино со 2 по 11 июня. По всей видимости, в этот сезон веретенники так и не приступали к размножению. В 2002 году одна пара гнездилась на поле овса между Алешино и Васькино. Гнездо, обнаруженное 10 июня, располагалось посреди поля площадью 80 га в 120 м от мелиоративной канавы. В 2003 г. на этом поле

(оно было засеяно пшеницей) в течение всего периода исследований наблюдали пару веретенников, однако гнезда найти не удалось. Ещё одно гнездо веретенника с полной кладкой было найдено 28 мая 2003 на поле яровой пшеницы к востоку от Ананьино. Оно также располагалось посреди вспаханного поля (высота всходов пшеницы в это время не превышала 5 см) площадью 104 га, в 230 м от границы поля и зарастающих торфоразработок. У гнезда (и, позже, у выводка) держалась всего одна взрослая птица, второй мы вообще не видели. Таким образом, большой веретенник в районе наших исследований гнездится исключительно на полях яровых культур (случаев регистрации вида в луговых местообитаниях не было).

Stercorarius longicaudus. Длиннохвостого поморника мы видели над лугами у дер. Алешино 21 мая 2002. Птица медленно пролетела в северном направлении над головами наблюдателей на высоте около 30 м, что исключает ошибку в определении.

Lanius excubitor. В 2002 году одиночную птицу трижды (27 мая, 4 и 5 июня) наблюдали на лугах южнее Алешино. В 2003 г. одиночный сорокопут отмечен здесь же 3 июня; 30 июня 2003 серого сорокопута видели в заболоченном сосняке восточнее деревни Соколье.

Bombus garrulus. В национальном парке — редкий гнездящийся вид моховых болот и заболоченных сосняков (Шитиков и др. 2004). В 2002-2003 годах на контролируемом нами участке сфагнового болота в окрестностях дер. Топорня площадью около 5 км² гнездились 2 пары.

Hippolais caligata. В отличие от большинства других регионов Европейской России, в Вологодской области северная бормотушка — широко распространённый вид, локально достигающий сравнительно высокой численности (Бутьев 1978; Бутьев и др. 1997; Бутьев, Лебедева 1998). На обследованной территории северная бормотушка оказалась обычным, а в некоторых типах луговых местообитаний — даже доминирующим видом. Всего за 4 года найдено 34 гнезда бормотушки, которые располагались главным образом на различных типах лугов (28 гнёзд), а также на залежах (2), зарастающих торфоразработках (2) и на территории заброшенной фермы (2). Плотность населения вида колебалась от 0.12 (сеяный сенокосный луг) до 6.0 (заброшенный луг, зарастающий кустарником) пар на 10 га.

Sylvia nisoria. Хотя ястребиная славка и внесена в список птиц Вологодской области в качестве гнездящегося вида (Кузнецов 2000), какие-либо документальные подтверждения этого факта в доступной нам литературе отсутствуют. 23 июня 2002 на зарастающем кустарником лугу у деревни Алешино в паутинную сеть была отловлена самка ястребиной славки с наседным пятном, затем в течение трёх дней (24-26 июня) здесь же наблюдали самца, что позволяет предполагать гнездование этого вида.

Saxicola torquata. Редкий гнездящийся вид. В 2001 г. мы дважды (17 и 27 июня) наблюдали самца черноголового чекана на одном и том же участке зарастающего кустарником луга, однако никаких доказательств гнездования получить не удалось. На следующий год пару чеканов обнаружили 4 июня 2002 в мелиоративной канаве в ближайших окрестностях Алешино (1 км от места встречи в 2001), после чего в течение нескольких дней их регулярно наблюдали на отрезке канавы протяжённостью около 150 м. 10 июня обеих птиц удалось отловить паутинной сетью, причём у

самки было слабо выраженное наследное пятно, а в яйцевом прощупывалось готовое к откладке яйцо. После кольцевания чеканы исчезли, однако 22 июня самца из этой пары вновь наблюдали на обочине полевой дороги севернее Ананьино, в 400 м от места кольцевания. Это первый известный случай гнездования черноголового чекана на западе Вологодской области. В 2003 г. пару черноголовых чеканов видели в той же самой канаве 3 июня, но последующие тщательные поиски птиц результата не дали.

Ascanthis flammea. Стайку из четырёх чечёток наблюдали в деревне Топорня 28 июня 2003.

Работа в Национальном Парке "Русский Север" была бы невозможной без всесторонней помощи и поддержки администрации Парка и лично А.Л. и Л.А. Кузнецовых. Авторы также благодарны всем аспирантам и студентам Московского государственного педагогического университета, принимавшим участие в орнитологических исследованиях на территории Парка.

Литература

- Бутьев В.Т. 1978. К авифауне Вологодской области // *Фауна и экология позвоночных животных*. М.: 3-19.
- Бутьев В.Т., Лебедева Е.А. 1998. Материалы по редким видам птиц Вологодской области // *Редкие виды птиц Нечерноземного Центра России*. М.: 284-291.
- Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., Шитиков Д.А. 1998. О численности гнездящихся куликов Вологодской области // *Гнездящиеся кулики Восточной Европы – 2000*. М., 1: 18-23.
- Бутьев В.Т., Редькин Я.А., Шитиков Д.А. 1997. Новые данные о распространении некоторых видов птиц на Европейском Севере России // *Орнитологические исследования в России*. М.; Улан-Удэ: 44-49.
- Кузнецов А.В. 2000. Вологодская область // *Ключевые орнитологические территории России*. Т. 1. М.: 160-168.
- Шитиков Д.А., Федчук Д.В., Иванов А.П. 2004. О распространении и биологии свиристеля *Vombycilla garrulus* в Вологодской области // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* **252**: 117-120.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 254: 203-204

Бородатая куропатка *Perdix dauurica* в Приморье

В.Д.Куренков

Второе издание. Первая публикация в 1985*

С ноября 1982 по январь 1984 было предпринято несколько поездок в районы северо-западной части Приханкайской низменности с целью обследования мест обитания и учёта численности восточного подвида бородастой куропатки *Perdix dauurica suschkini* Polyakov, 1915, редкой на Дальнем

* Куренков В.Д. 1985. Бородатая куропатка — *Perdix dauurica* в Приморье // *Редкие и исчезающие птицы Дальнего Востока*. Владивосток: 148-149.

Востоке птицы. Куропатки были встречены трижды: 20 декабря 1982 мы вспугнули стаю из 15 птиц в пойменных кустарниковых зарослях долины р. Чапаевка, на следующий день одиночная птица была отмечена в 2 км выше по течению реки. Стаю из 20 куропаток удалось наблюдать в окрестностях пос. Жариково, птицы кормились на южном бесснежном склоне сопки, покрытой низкой травянистой растительностью, разгребая мягкую почву, разрытую ходами мышевидных грызунов.

По опросным сведениям, все немногочисленные встречи бородатых куропаток в Приморье имеют 2-3-летнюю давность.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 254: 204-214

К вопросу об эволюции территориального поведения так называемых “оседлых” видов воробьиных птиц

Г.А.Носков

*Второе издание. Первая публикация в 1976**

Широко известен факт, что характер перемещений любого вида птиц в значительной степени зависит от объектов питания, способов добывания корма и распределения пищи по территории. Эта связь неоднократно отмечалась в литературе и вряд ли сейчас нуждается в дополнительном доказательстве (см., например: Weigold 1930; Rudebeck 1950; Svårdson 1953, 1957; Dorst 1962; Михеев 1964).

Анализируя литературные данные, а также результаты оригинальных исследований — наблюдений в природе, экспериментальных работ и сведений, полученных в результате кольцевания (Носков 1967, 1968, 1970, 1971; Носков, Гагинская 1969), — можно прийти к выводу, что эволюция территориального поведения птиц в умеренных и высоких широтах шла в трёх основных направлениях: 1) возникновение дальних миграций как средства полного ухода от неблагоприятных условий осенне-зимнего периода; 2) развитие высокой степени привязанности к определённому участку обитания одновременно с формированием специфического поведения, направленного на эффективное отыскание или запасание кормов на этой территории, а также развитие способности переключаться с одного вида корма на другой; 3) выработка способности перемещаться в поисках доступных источников корма на территории районов размножения.

Отмеченные типы использования территории неоднократно и независимо возникали в разных систематических группах птиц и, сформировавшись в естественных биоценозах доисторического времени, сейчас, в усло-

* Носков Г.А. 1976. К вопросу об эволюции территориального поведения так называемых “оседлых” видов воробьиных птиц // *Биоценотические отношения организмов*. Л.: 163-176.

виях сильного воздействия антропогенного фактора на среду обитания, в одних случаях оказались весьма удачными предпосылками для синантропизации и нередко способствовали расширению ареала, а в других — тормозили этот процесс.

В данной работе делается попытка рассмотреть стороны территориального поведения, которые влияли на продвижение вида в новые районы обитания, и выявить предпосылки в характере территориальных связей, позволившие некоторым видам быстро приспособиться к новым условиям жизни в антропогенном ландшафте. В этом отношении заметно выделяются так называемые оседлые виды птиц, приспособившиеся добывать зимой корм на близком расстоянии от мест размножения и пользоваться доступными источниками корма на территории гнездового ареала. Хотя этих птиц обычно принято называть оседлыми, таковыми, по-видимому, фактически являются только некоторые из них. В связи с этим важно выделить виды воробьиных, которые действительно могут рассматриваться как оседлые.

Если просмотреть раздел “Характер пребывания” в основном руководстве по птицам нашей страны “Птицы Советского Союза” под редакцией Г.П.Дементьева и Н.А.Гладкова (1954), то у 53 видов воробьиных птиц, обитающих в европейской части СССР севернее 40° с.ш. (в районе, где проходили наши работы), их территориальное поведение характеризуется словами “оседлый” или “частично оседлый вид в южной части ареала”. К таким видам относятся 11 представителей семейства врановых (*Corvus corax*, *C. corone*, *C. cornix*, *C. frugilegus*, *C. monedula*, *Pica pica*, *Garrulus glandarius*, *Perisoreus infaustus*, *Nucifraga caryocatactes caryocatactes*, *Pyrrhocorax pyrrhocorax*, *P. graculus*), 9 вьюрковых (*Coccothraustes coccothraustes*, *Chloris chloris*, *Carduelis carduelis*, *Spinus spinus*, *Acanthis cannabina*, *A. flammea*, *Pyrrhula pyrrhula*, *Pinicola enucleator*, *Fringilla coelebs*), 4 вида ткачиковых (*Montifringilla nivalis*, *Petronia petronia*, *Passer montanus*, *P. domesticus*), 4 вида овсянковых (*Miliaria calandra*, *Emberiza citrinella*, *E. cia*, *E. schoeniclus*), 5 видов жаворонков (*Alauda arvensis*, *Lullula arborea*, *Melanocorypha calandra*, *Calandrella cinerea*, *Galerida cristata*), 3 вида семейства пикух (*Tichodroma muraria*, *Certhia brachydactyla*, *C. familiaris*), 2 вида поползней (*Sitta europaea*, *S. tephronota*), 8 видов синиц (*Parus major*, *P. caeruleus*, *P. cyanus*, *P. ater*, *P. cristatus*, *P. montanus*, *P. palustris*, *P. cinctus*), а также отдельные представители других семейств: *Remiz pendulinus*, *Panurus biarmicus*, *Aegithalos caudatus*, *Troglodytes troglodytes*, *Erithacus rubecula*, *Turdus viscivorus*, *Cinclus cinclus*. Уже само по себе знакомство с этим перечнем видов свидетельствует о том, сколь различные по своей экологии птицы рассматриваются в качестве форм со сходным характером пребывания.

К сожалению, в литературе до сих пор нет чёткого определения понятия оседлости. Под нею обычно подразумевают большую или меньшую привязанность к территории на протяжении круглого года. Однако возникает вопрос: на какой по размерам территории должны держаться особи вида, чтобы его можно было считать оседлым? Иначе расплывчатое понимание данного термина не позволит определить объём этого понятия. “Оседлость” в этом смысле включает в себя по крайней мере четыре различных типа территориального поведения. Первый из них характеризуется уходом особи

во внегнездовое время с территории гнездового участка и широкими перемещениями в поисках районов, богатых основными кормами; второй — постоянным пребыванием взрослых особей на территории гнездового участка; третий — также пребыванием круглый год на территории гнездового участка, который зимой превращается в место ночёвки, тогда как пункты кормёжки могут располагаться и за его пределами на расстоянии до нескольких километров; и, наконец, четвёртый — перемещениями на расстояния в десятки и сотни километров от места размножения и бродяжничеством за пределами гнездового участка после брачного периода с возвращением на него в следующий сезон размножения.

Первый из перечисленных типов территориального поведения особенно характерен для выюрковых Fringillidae, будучи, несомненно, связан с их семеноядностью. Основными видами корма упомянутым птицам служат семена травянистых и древесно-кустарниковых растений. В зависимости от урожая или от степени их доступности из-под снега зимой чижи *Spinus spinus*, снегири *Pyrrhula pyrrhula*, чечётки *Acanthis flammea*, щеглы *Carduelis carduelis*, зеленушки *Chloris chloris*, коноплянки *Acanthis cannabina*, щуры *Pinicola enucleator*, клесты *Loxia* spp., а также многие виды горных выюрков совершают чрезвычайно широкие передвижения в поисках источников корма. Это приводит к тому, что места зимовок большинства перечисленных видов, так же как и пути миграций между ними, сильно варьируют по годам и почти никогда не бывают постоянными в разные зимы, ибо они теснейшим образом всегда связаны с районами обильного плодоношения основных кормовых растений. Только благодаря широким перемещениям, которые развились как адаптация к использованию неустойчивой кормовой базы и стали обязательной фазой их годового жизненного цикла, возникла возможность зимовки в условиях высоких и умеренных широт северного полушария в гнездовой части ареала. При таком способе использования территории связь с гнездовым участком у большей части особей сохраняется лишь на протяжении одного сезона размножения, после чего они покидают его (так же как и место рождения!) и более к нему не возвращаются. Вряд ли такой тип территориального поведения, особенно характерный для подсемейства Carduelinae, можно назвать оседлостью. Несмотря на неизменность ареала по сезонам года в ряде областей выюрковые регулярно во внегнездовое время передвигаются внутри него, меняют используемые в разное время года биотопы и не могут считаться птицами, ведущими оседлый образ жизни. По-видимому, более всего такие миграции соответствуют кочевому типу передвижений, т.к. их дальность и продолжительность контролируются первичными факторами среды (кормовыми и климатическими условиями сезона) и весьма значительны по протяжённости.

Антропогенный фактор в жизни птиц рассматриваемой группы сыграл, по-видимому, весьма существенную роль. Действие его прежде всего сказалось на видах лесостепной зоны (щегол, зеленушка, коноплянка), которые, несомненно, стали проникать в более северные районы вслед за человеком, создавшим в лесах таёжной зоны необходимые для них условия существования. Широко известно, что эти птицы связаны с двумя типами биотопов: с древесно-кустарниковой растительностью — местом гнездования и ночёвки и с открытыми пространствами, где они собирают корм (семена ма-

ревых, крестоцветных, сложноцветных, гвоздичных и других травянистых растений).

Вырубка лесов и появление на севере открытых пространств и пахотных земель, изобилующих кормовыми растениями, предоставили возможность данным видам расселиться вплоть до 60-65° с.ш. Здесь эти птицы нашли для себя пригодные места обитания, мало чем отличающиеся от условий тех стаций, которые они занимают в условиях лесостепной зоны. Особенности их территориального поведения — широкие по размаху кочёвки во внегнездовое время — послужила в северных, вновь освоенных частях ареала основой для выработки перемещений, ориентированных в южном направлении. Как показывают данные кольцевания птиц в Ленинградской области, эти кочёвки очень сильно различаются у особей в один сезон и тем более у разных популяций в разные годы. При этом дальность передвижений и, соответственно, районы новых зимовок опять-таки контролируются урожайностью основных видов кормовых растений, а также особенностями климатических условий зимнего периода.

В значительной мере сократились зимние перемещения снегиря из-за появления дополнительных источников питания в районах, непосредственно примыкающих или находящихся на местах гнездования. В качестве кормовых стаций стали использоваться искусственные насаждения различных плодово-ягодных и декоративных кустарников и деревьев (особенно рябины), на которых птицы кормятся плодами и почками, а также заросли сорняков на свалках мусора, полях и огородах, где они поедают семена крапивы, лебеды, мари, пастушьей сумки, мокрицы.

Таким образом, выюрковые птицы, приспособленные к активному отыскиванию корма в условиях неустойчивой кормовой базы, имели все предпосылки к тому, чтобы быстро среагировать на появление дополнительных источников существования, созданных человеком. При этом влияние человека носило косвенный характер: посредством возникновения открытых пространств в лесной зоне и появления кормовых растений — сорняков, заселивших вновь появившиеся на севере пригодные для них места обитания.

Другую по характеру территориального поведения группу составляют птицы, во взрослом состоянии очень сильно привязанные к определённой индивидуальной территории. Это — мелкие виды синиц, поползни, пищухи. Говоря об их территориальном поведении, следует различать два периода жизни: до наступления половой зрелости на первом году и после первого репродуктивного цикла (Носков, Гагинская 1969; Бардин 1970). На первом году жизни молоднях перечисленных видов имеет три периода подвижности: летние перемещения молодых птиц после распада выводка; осенние — в поисках зимовочного участка (который в большинстве случаев становится местом постоянного обитания особи) и, наконец, у незначительной части птиц — весенние передвижения ещё не размножавшихся первогодков в поисках подходящего места гнездования. С другой стороны, уже размножавшиеся особи этих видов, как правило, проводят всю свою жизнь на очень ограниченном пространстве, практически соответствующем площади гнездового участка. Такая привязанность к небольшой территории и возможность существования на ней в неблагоприятный в кормовом отношении зимний сезон стали возможными благодаря возникновению чрезвычайно

характерной для всей этой группы видов реакции запасаения корма. Как установил А.В.Бардин (1972), специально изучавший процесс запасаения кормов синицами, это поведение оказывается одним из важнейших условий успешной зимовки. Дело в том, что птицы перечисленных видов, как правило, кормятся, не вылетая за пределы своего участка обитания, и заранее обогащают соответствующие кормовые ниши, запасая пищевые объекты в периоды года с избытком кормов.

Сильную привязанность взрослых птиц к своей территории подтвердили и эксперименты с перемещающимися кормушками (Вилкс, Вилкс 1964; Бардин 1970). В этих опытах пухляки *Parus montanus*, болотные гаички *P. palustris* и поползни *Sitta europaea*, в отличие от больших синиц *Parus major*, переставали следовать за кормовыми столиками, если те попадали за границы индивидуального участка особи. Подобные опыты, равно как и непосредственные наблюдения в природе, позволяют утверждать, что дополнительные источники корма антропогенного происхождения используются этими птицами только в том случае, если они оказываются на участке обитания и не требуют перемещений птиц к источникам питания. Прямым следствием указанной особенности территориального поведения является тот факт, что около кормушек никогда не удаётся собрать такого количества пухляков, гаичек, поползней или хохлатых синиц *Parus cristatus*, какое удаётся для выюрковых, большой синицы, врановых или воробьёв.

Таким образом, будучи лесными формами и преимущественно обитая в естественных древесных насаждениях вдали от человеческого жилья, виды второй группы мало подвержены влиянию антропогенного фактора, и дополнительные источники корма, представляемые человеком, используются ими только в том случае, если они случайно оказываются на индивидуальных участках особей. С другой стороны, кормовой фактор, по-видимому, может влиять осенью на выбор участка обитания молодыми птицами и тем самым способствовать повышению плотности населения ещё неразмножившихся птиц, поскольку молодая особь не может быть безразличной к наличию корма. Тем не менее, именно характер территориальных связей этих птиц не позволяет им использовать в полной мере все те дополнительные источники корма, которые предоставляет человек.

Довольно близок к описанной группе третий тип использования территории. Он свойствен полевому *Passer montanus* и домовому *P. domesticus* воробьям и, по-видимому, многим другим ткачиковым подсемейства *Passerinae*, а также сороке *Pica pica* и отдельным взрослым особям воронов *Corvus corax* и серых ворон *C. cornix*. Так же как и представители предыдущей группы, перечисленные птицы после расселения на первом году жизни переходят к обитанию на постоянном участке (Носков, Гагинская 1969), но могут собирать корм и за его пределами, совершая вылеты на кормёжку.

Л.В.Соколов установил, что у полевых воробьёв каждая взрослая особь, постоянно поддерживая связь с одним и тем же местом ночёвки осенью и зимой или с гнездовым дуплом — летом, в то же время может кормиться в нескольких пунктах, удалённых даже на 2-8 км и более, и менять их в разные сезоны в зависимости от характера распределения корма. Такой тип территориального поведения воробьёв, по-видимому, сформировался в естественных биоценозах лесостепной, степной, полупустынной и горно-

пустынной местности, где они гнездились в стенках оврагов, на крутых каменистых склонах гор или в обрывах берегов рек, используя расщелины или же норы других птиц и зверей. В этих условиях воробьи вынуждены были летать на кормёжку на соседние открытые пространства, где поедали семена злаков и других травянистых растений. Существование воробьёв до возникновения связи с человеком, несомненно, очень сильно напоминало их современный образ жизни в пустынных районах Средней Азии или в степной зоне юга европейской части СССР.

Подобный тип территориального поведения воробьёв препятствовал проникновению в более северные районы, где глубокий снеговой покров и отсутствие кормовых растений не позволяли пережить зимний сезон. Районы обитания воробьёв на севере, по-видимому, в ту пору ограничивались зоной лесостепи, где они могли кормиться семенами лебеды, мари, крестоцветных по склонам оврагов и добывать семена злаков из-под неглубокого снега. В связи со сказанным уместно вспомнить способность полевых воробьёв раскапывать клювом снег, разбрасывая его резкими боковыми движениями головы в разные стороны. Как показали наши наблюдения, таким путём птицы могут добывать пищу из-под снега глубиной до 10-12 см.

Другим способом добывания семян из-под неглубокого снегового покрова в степной зоне, по-видимому, могла быть способность воробьёв к поддержанию контактов с копытными животными, в частности, со стадами тарпанов *Equus gmelini*, куланов *E. hemionus* и др. Эти контакты и сейчас бывают очень хорошо заметны между табунами тебенюющих домашних лошадей и многими видами птиц в степной и лесостепной зонах. Подобная трофоценотическая связь в зимнее время даёт возможность птицам кормиться на участках степи, где снег взрыхлён и местами удалён с поверхности земли копытами животных. Кроме того, воробьи могли питаться неперева-ренными семенами злаков и других растений из помёта непарнокопытных, как это делают и в настоящее время многие ткачиковые, овсянки и врановые. Однако связь с табунами непарнокопытных опять-таки могла поддерживаться только при условии следования за ними на достаточно большие расстояния.

Таким образом, относительная подвижность в районе постоянного существования и связь с крупными млекопитающими могли служить весьма благоприятными предпосылками для последующей быстрой синантропизации этих видов. Зародившись в местах прежнего обитания связь с человеком дала возможность воробьям быстро продвигаться на север и успешно использовать для жизни новые возможности антропогенного ландшафта. Так, различного рода постройки и жилища человека позволили птицам размещать в них свои гнёзда, а дополнительные источники корма появились в виде сельскохозяйственных угодий, отходов животноводства, различного рода свалок, где используются не только сами отбросы, но, главным образом, семена изобилующих здесь сорняков и, наконец, пищевые отходы.

К последней, четвёртой группе “оседлых” видов принадлежат многие врановые, большая синица, жаворонки, овсянки. Их взрослые особи во внегнездовое время в большинстве случаев покидают гнездовой участок и живут в его окрестностях, не поддерживая связи с ним, хотя часть птиц может зимой включать гнездовую территорию в свой район жительства.

Таким образом, в зимнее время участок обитания очень сильно расширяется и зимняя кормовая территория во много раз превосходит по площади гнездовую, независимо от того, включает она последнюю или нет. Помимо того, практически у всех молодых особей на первом году жизни наблюдаются миграции расселения молодняка на десятки и даже сотни километров. В результате ежегодно до 90% особей каждой популяции участвует в одном из двух типов перемещений — сезонных передвижениях в поисках источников корма или расселения молодых особей. Вряд ли такой образ жизни следует называть оседлостью и, по-видимому, характеризуя его, целесообразнее говорить о бродяжничестве.

Подобный тип территориальных связей у каждого вида или у группы родственных форм развивался независимо, как адаптация к особенностям распределения пищевых ресурсов по территории и способам кормодобывания, прежде всего в наиболее трудный для жизни зимний период. В каждом конкретном случае бродяжничество было связано с определённым объектом питания, но в целом такой тип использования территории оказался самым перспективным способом реализации преимуществ антропогенного ландшафта, поскольку птицы могли пользоваться любыми источниками корма, возникающими недалеко от места гнездования. Их появление в зимний сезон в районе гнездования позволило, в свою очередь, некоторым видам птиц комплекса широколиственного леса быстро продвигаться вслед за человеком в более северные районы, коль скоро продвижению сюда препятствовала именно зимняя бескормица. К числу таких видов, думается, следует отнести галку *Corvus monedula*, сойку *Garrulus glandarius* и большую синицу *Parus major*.

Предпосылкой для таких контактов с человеком, кроме того, вероятно, могла служить опять-таки трофоценотическая связь птиц данной группы с крупными зверями. На эту мысль наталкивает анализ поведения врановых, большой синицы, жаворонков и овсянок в степной зоне зимой, а также особенности кормодобывания в естественных биоценозах. Так, наблюдения за поведением больших синиц и соек в учлесхозе “Лес на Ворскле”, расположенном в лесостепной зоне европейской части СССР, показали, что зимой распределение птиц по этому лесному массиву площадью в 1000 га теснейшим образом связано с местами кормёжки стад кабанов *Sus scrofa*. Большие синицы и сойки держатся там, где в данный момент кормятся звери. Раскапывая неглубокий слой снега и лесную подстилку в поисках желудей, кабаны, тем самым, делали доступными для птиц различные кормовые объекты: зимующих в опавшей листве насекомых и прочих беспозвоночных, плоды и семена вяза, ильма, дуба, клёна, боярышника и т.д.* Эта связь между животными была настолько ярко выраженной, что в лесу по голосам синиц можно было точно определить место жировки зверей.

В то же время эти наблюдения наглядно продемонстрировали различия в степени привязанности к территории у больших синиц и соек. Первые оказались способными перемещаться по всему лесному массиву, следуя за стадом зверей. При этом бросалось в глаза их практически полное отсутст-

* До появления в “Лесу на Ворскле” кабанов сойки часто кормились на местах жировок косуль (см.: Новиков 1959) — прим. ред. 1-го изд.

вие в остальной части леса. Так, на 3-километровом маршруте, проходившем через участки леса, давно не посещаемые кабанами, была отмечена всего одна большая синица, тогда как в непосредственной близости от стада постоянно держалось 15-30 особей. Такой характер территориального поведения большой синицы — бродяжничество вслед за источником корма, — очевидно, и был исходным типом связи с территорией в зимнее время.

В отличие от больших синиц, сойки в естественных для них биоценозах широколиственного леса ведут более оседлый образ жизни. Преобладающая часть особей (по нашим оценкам, 60-70%) отчётливо привязана к определённом участку леса и, в основном, кормится на нём, используя в значительной степени жёлуди из своих индивидуальных запасов.

Реакция запасаания корма у сойки, несомненно, развилась в условиях широколиственных лесов с малоснежной или почти бесснежной зимой. Именно в такой обстановке запасаание корма в почве и лесной подстилке может считаться адаптивной формой поведения, так как из-под снега глубиной более 25-30 см запасы извлекаются этими птицами с очень большим трудом. Обследование копанок соек в снегу в феврале 1972 в лесостепных дубравах Белгородской области и горных лесах Крыма показало, что здесь более чем в половине случаев (40-70%) птицы добираются до лежащих на почве желудей, плодов бука и ореха лещины. Напротив, использование подснежных запасов в таёжном лесу, в частности на севере Ленинградской области, из-за глубины снега становится невозможным уже к середине зимы. Так, в конце февраля 1972 при глубине снега около 50 см из 12 обследованных копанок сойки не удалось найти ни одной, где бы птица смогла добраться до пищи, находящейся в почве.

Эти факты в известной степени проливают свет на возможные пути изменения в территориальном поведении сойки в связи с влиянием антропогенного фактора. Проводя значительную часть жизни в широколиственном лесу и питаясь плодами древесно-кустарниковых пород, сойка весьма своеобразно связана с территорией. С одной стороны, плодоядность заставляет её осенью в неурожайные годы предпринимать поиски урочищ с обильным плодоношением основных кормовых пород. Подобные нерегулярные перемещения по типу инвазий могут считаться типичными для всех плодоядных и многих семеноядных птиц, ибо именно таким путём обеспечивается выживание вида и популяций в неурожайные на основные корма сезоны. С другой стороны, для сойки в осенне-зимнее время, несомненно, характерна связь с определённым участком обитания, где она устраивает запасы корма, используемые ею в течение зимы. Наконец, достаточно высокая степень пластичности в выборе кормовых объектов и способах их добывания, характерная для всех врановых, может считаться третьей важной чертой биологии сойки, накладывающей отпечаток на характер использования ею территории.

В сумме эти моменты биологии оказались весьма удачными предпосылками, способствовавшими возникновению связи с жильём человека в зимний период и затем продвижению в тайгу. Здесь зимой сойки практически не встречаются в лесах вдали от человеческого жилья, но используют естественные лесные насаждения как места гнездования в летнее время, а осенью переселяются ближе к источникам корма антропогенного происхо-

ждения. Таким образом, характер использования территории остаётся тем же, что и в широколиственном лесу: гнездовой участок приурочен к лесу; осенью происходит перемещение к обильным источникам корма (ими обычно служат картофельные поля и огороды), где идёт запасание корма (картофель); для зимы типична привязанность к определённой территории, на которой обычно имеются свалки, скотные дворы или другие источники корма, связанные с человеком. Реакция запасания корма из-за глубокого снегового покрова здесь неспособна помочь пережить зиму и она оказалась рудиментарной формой поведения.

Говоря об особенностях территориального поведения и питания врановых зимой, нельзя не упомянуть ещё один возможный источник пищи. Для ворона и серой вороны (а также для большой синицы) им могли быть остатки добычи крупных хищников. В тайге с её глубоким снежным покровом этот способ питания, по-видимому, являлся одним из основных источников корма. Подтверждением тому может служить поведение птиц на местах разделывания туши крупного зверя охотниками.

Кроме того, для большинства врановых и особенно для большой синицы чрезвычайно характерна реакция обследования всех новых предметов, появляющихся в местах их обитания. Многие натуралисты обращали внимание зимой на повадку больших синиц, ворон, воронов, галок и соек обследовать незнакомые предметы, даже не представляющие внешне интерес в кормовом отношении, и очень быстро находить их. Эта поведенческая реакция настолько отличает перечисленные виды от других воробьиных, что может считаться одной из характерных черт их экологии. Достаточно в зимнем лесу разбить трухлявый пенёк, раскидать какие-нибудь предметы или просто бумагу, как вскоре обследовать “что это такое” прилетят синицы и врановые. Обращает на себя внимание и тот факт, что реакция обследования свойственна всем особям вида на протяжении всего ареала, а потому не может считаться особенностью какой-то одной или нескольких популяций, выработавшейся в результате обитания в антропогенном ландшафте и связи с человеком. Напротив, возникнув в доисторическое время на основе контактов с крупными млекопитающими и бродяжничества в поисках зверей, данная реакция послужила предпосылкой для успешного перехода к питанию отбросами человека и способствовала синантропизации. Таким образом, способность покидать гнездовой участок и блуждать за его пределами в поисках пищи, возникшая в результате особенностей кормодобывающей деятельности, пластичность питания и связь с крупными млекопитающими выработали у описанной группы видов возможность быстрого установления контактов с человеком.

Переход к жизни в антропогенном ландшафте ускорился и тем обстоятельством, что численность хищников и их жертв быстро сокращалась. Уничтожение стад диких копытных в степях усложняло условия добывания корма для таких видов, как жаворонки, галка, овсянки. Всё это порождало дополнительные трудности в использовании естественных кормов и делало необходимыми поиски новых их источников. Переход зимой на питание кормами антропогенного происхождения в значительной степени снял эти трудности и в то же время позволил птицам расселиться на север далеко за пределы своего бывшего ареала. В новых условиях связь с человеком уже

стала совершенно необходимым условием переживания зимнего периода. В этом отношении очень показательны результаты обследования лесных массивов в Ленинградской области вдали от населённых пунктов. Оказалось, что большая синица, серая ворона, сойка, галка здесь практически отсутствуют. Так, у больших синиц в лесах вдали от человеческого жилья проводит зиму лишь 3-5% особей от общей их численности. Примерно такие же цифры можно привести для серой вороны и сойки. Основная масса особей этих видов зимует рядом с человеком, а с наступлением периода гнездования уходит в лес в поисках подходящих гнездовых участков. Дальность таких перемещений главным образом определяется наличием удобного места для постройки гнезда. Косвенным подтверждением тому служат также результаты 4-летних учётов заселяемости большими синицами искусственных гнездовий, развешанных на разном расстоянии от населённых пунктов. Так, в Охтенском лесопарке, непосредственно примыкающем к северо-восточным окраинам Ленинграда, использовалось 80-90% гнездовий. В смешанном лесу в гнездовьях, развешанных в 3-4 км от посёлка Невская Дубровка, заселённость составляла около 20%. В дуплянках, размещённых в 30 км от ближайшего населённого пункта на юго-востоке Ладожского озера, заселяемость составила всего около 1-2% (Смирнов 1972).

Резюмируя изложенные выше материалы по территориальному поведению “оседлых” видов воробьиных птиц, можно прийти к выводу, что врановые, некоторые овсянки (обыкновенная, горная, просянка), большая синица, а также полевой и домовый воробьи, жаворонки и некоторые другие птицы смогли воспользоваться преимуществами жизни в антропогенном ландшафте, так как обладали типом территориального поведения, адаптированным к передвижению вслед за передвигающимися источниками корма. Не совершая дальних миграций, приводящих к смене климатических условий, эта группа птиц всегда сталкивалась с трудностями зимовки, а потому быстро отреагировала на предоставляемые человеком новые источники корма.

Параллельно с изменением специфики кормодобывания в антропогенном ландшафте шли преобразования характера перемещений. Одна группа видов (врановые, большая синица, овсянки, жаворонки) перешла от бродяжничества в районе гнездования к достаточно оседлому образу жизни в зимнее время, концентрируясь у постоянных источников корма. Таким образом, у этих птиц стали формироваться как бы миниатюрные миграции между гнездовым участком и местом зимовки. Другая группа видов (полевой и домовый воробьи) пошла по пути максимальной синантропизации и, предельно сблизив гнездовой и кормовой участки или даже совместив их, перешла на основной площади новой части ареала к полной оседлости. Исходный тип территориальных связей эти виды сохраняют лишь на незначительных пространствах своего исконного ареала.

Воробьиные птицы с перелётным типом миграционной активности, будучи в основном насекомоядными и приспособившись к обеспечению себя кормом за счёт дальних передвижений в периоды года, изобилующие пищей, оказались менее чувствительными к кормовому фактору антропогенного происхождения. Это и понятно, ибо у них практически нет необходимости отыскивать новые дополнительные источники питания. Синантро-

пизация этих птиц главным образом сводится к использованию мест гнездования в населённых пунктах, и кормовой фактор почти не оказывает непосредственного влияния. Примером тому могут служить *Delichon urbica*, *Hirundo rustica*, *Muscicapa striata*, *Ficedula hypoleuca*, *Phoenicurus ochruros*, *Ph. phoenicurus*, *Motacilla alba*, *Emberiza hortulana* и многие другие виды.

Литература

- Бардин А.В. 1970. Территория обитания и структура синичьих стай // *Материалы 7-й Прибалт. орнитол. конф.* Рига, 1: 21-24.
- Бардин А.В. 1972. Запасание корма у синиц и поползней // *Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф.* Таллин: 9-10.
- Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 1964. Экспериментальные исследования территориального поведения синиц и поползней // *Проблемы орнитологии*. Львов: 174-179 (2-е изд.: Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 2001. Экспериментальные исследования территориального поведения синиц и поползней // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 157: 752-758).
- Дементьев Г.П., Гладков Н.А. (ред.) 1954. *Птицы Советского Союза*. М., 5: 1-803, 6: 1-792.
- Михеев А.В. 1964. Роль факторов внешней среды в формировании сезонных миграций птиц Восточной Палеарктики // *Материалы по фауне и экологии животных*. М.: 3-278.
- Новиков Г.А. 1959. *Экология зверей и птиц лесостепных дубрав*. Л.: 1-353.
- Носков Г.А. 1967. Влияние некоторых внешних факторов на миграционные пути птиц // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 44-56.
- Носков Г.А. 1968. *Миграция птиц на северо-западе Ленинградской области*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Л.: 1-22.
- Носков Г.А. 1970. Об особенностях миграционного поведения кочующих видов выюрковых в зимний период // *Материалы 7-й Прибалт. орнитол. конф.* Рига, 1: 61-64.
- Носков Г.А. 1971. Выбор направления миграции у птиц с разными типами перемещений // *Аналитические системы и ориентационное поведение птиц*. М.: 87-89.
- Носков Г.А., Гагинская А.Р. 1969. Ювенильная линька и миграции полевого воробья в условиях Ленинградской области // *Вопр. экологии и биоценологии* 9: 48-58.
- Смирнов О.П. 1972. Различия в поведении больших синиц и буроголовых гаичек при выборе гнездовой территории // *Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф.* Таллин: 104-105.
- Dorst J. 1962. *The Migration of Birds*. London: 1-447.
- Rudebeck C. 1950. Studies on bird migration based on field studies in Southern Sweden // *Vår Fågelvärld*. Suppl. 1: 1-148.
- Svärdson G. 1953. Visible migration within Fenno-Scandia // *Ibis* 95, 2: 181-211.
- Svärdson G. 1957. The "invasion" type of bird migration // *Brith. Birds* 50, 8: 314-343.
- Weigold H. 1930. *Der Vogelzug auf Helgoland, graphisch dargestellt*. Berlin: 10128.

Зимующие птицы северных городов Западной Сибири

С.П.Пасхальный

Второе издание. Первая публикация в 1986*

В ноябре-декабре 1984 проведено обследование зимней орнитофауны городов Надым и Новый Уренгой, маршрутные учёты в каждом пункте составили около 30 км. Определена относительная численность видов (число учтённых особей на 1 км маршрута независимо от расстояния до наблюдателя). Для сравнения использованы многолетние данные по городу Лабытнанги. Все три города расположены в подзоне редколесий примерно на одной широте (65.5-66.5° с.ш.). С продвижением на восток, от Лабытнанги к Новому Уренгою, континентальность климата и суровость зимы усиливаются. Самый молодой и быстро развивающийся город — Новый Уренгой, наибольший возраст имеет Лабытнанги. Для Надыма и Нового Уренгоя характерно сочетание многоэтажной и 1-2-этажной деревянной застройки. В Лабытнанги площадь многоэтажной застройки незначительна.

В Надыме отмечены домовый *Passer domesticus* и полевой *Passer montanus* воробьи (соответственно, 6.5 и 0.7 ос./км²), ворон *Corvus corax* (0.52), сизый голубь *Columba livia* (0.45) и большая синица *Parus major* (0.03). Голуби завезены жителями города, но в настоящее время часть птиц перешла к самостоятельному существованию.

В Новом Уренгое зимуют полевой воробей (1.1), ворон (1.54) и поползень *Sitta europaea* (0.04).

В районах многоэтажной застройки в Надыме встречены домовый и полевой воробьи, ворон и сизый голубь; в Новом Уренгое — ворон. В районах преимущественно 1-2-этажной застройки в Надыме — домовый и полевой воробьи, ворон и большая синица; в Новом Уренгое — полевой воробей, ворон и поползень. В вагон-городках Надыма зарегистрированы полевой воробей и ворон.

В Лабытнанги в ноябре-марте отмечено 20 видов птиц, основу зимнего населения составляют домовый воробей (4.8-7.3), полевой воробей (1.4-2.1), сорока *Pica pica* (1.1-1.4) и ворон (0.12-0.23).

Отсутствие в Надыме сороки, в Новом Уренгое сороки и домового воробья можно объяснить как ухудшением к востоку климатических условий, так и небольшим возрастом городов и общим слабым развитием антропогенного ландшафта в данном районе. Эти факторы, очевидно, менее важны для полевого воробья, поскольку численность его во всех пунктах сходная.

* Пасхальный С.П. 1986. Зимующие птицы северных городов Западной Сибири // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. Л., 2: 136-137.